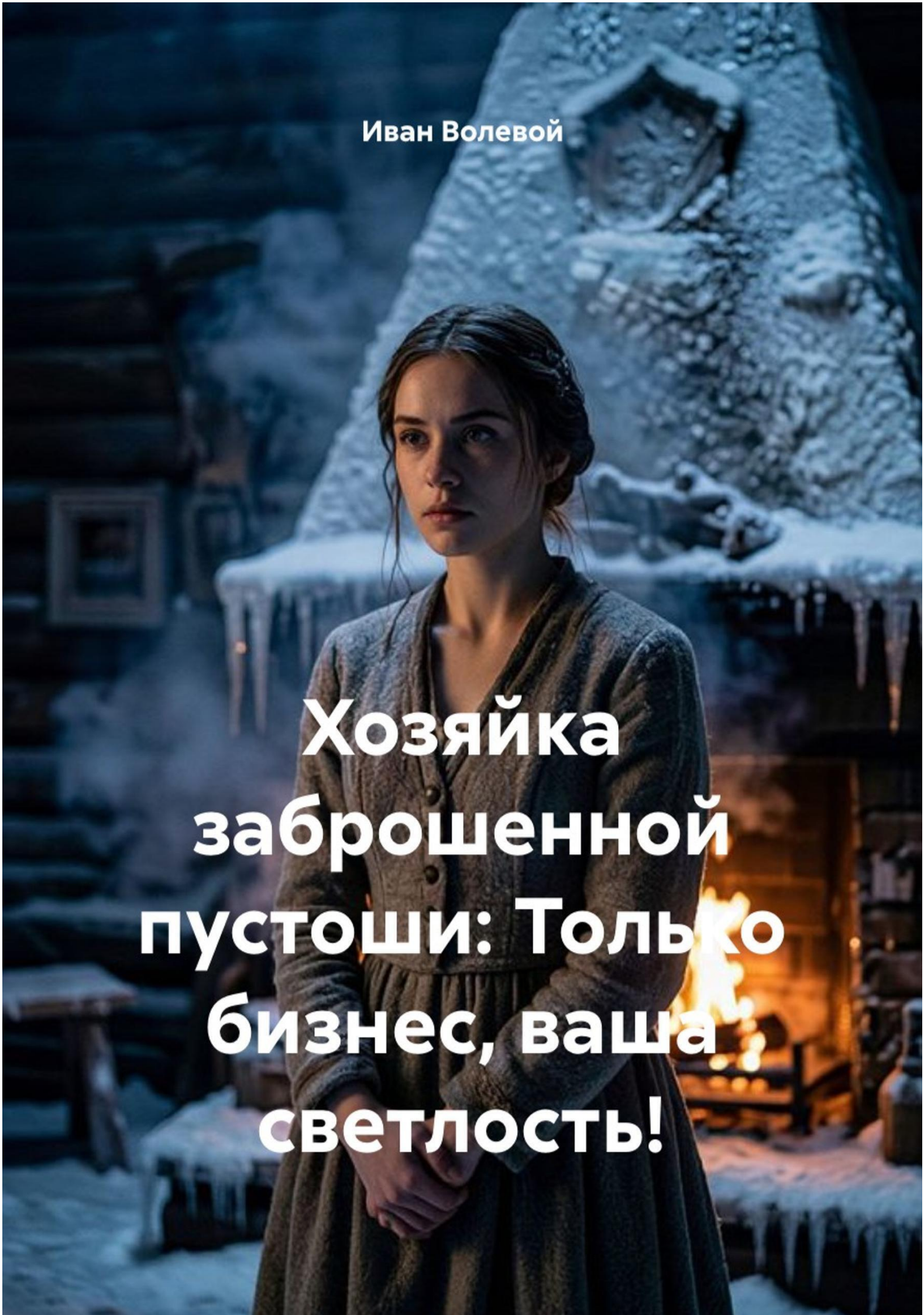

Иван Волевой

Хозяйка заброшенной пустоши: Только бизнес, ваша светлость!

Иван Волевой

Хозяйка заброшенной пустоши: Только бизнес, ваша светлость!

«Автор»
2026

Волевой И.

Хозяйка заброшенной пустоши: Только бизнес, ваша светлость! / И. Волевой — «Автор», 2026

Умереть от инфаркта на годовом отчете и очнуться в теле разоренной аристократки? Сделано.Получить в наследство от отца-картежника заброшенный постоялый двор на ледяном перевале и четыре медных гроша в кармане? Легко.Местные считают, что девчонка из столицы сгинет в первую же метель. Но они не знают, что такое совет директоров и закрытие квартала без бюджета. Крыша течет? Починим. Очаг потух? Раскочегарим бытовой магией. По тракту идут караваны, а значит, здесь будет сервис, горячий суп и свежая выпечка.Единственная проблема — комендант пограничного форта, суровый полковник Вейн. Он привык командовать гарнизоном и видит во мне шпионку. Что ж, господин «Пепельный Волк», за постой у нас платят по уставу. А если надумаете проверить мои подвалы — захватите гербовую бумагу и не наступайте на моего зверька. Он кусается.В тексте вас ждут:- Адекватная, предприимчивая героиня с земным опытом- Развитие бизнеса с нуля и обустройство дома- Наглый, но очень полезный пушистый фамильяр

© Волевой И., 2026
© Автор, 2026

Иван Волевой
Хозяйка заброшенной пустоши: Только бизнес, ваша светлость!

Глава 1

Хозяйка заброшенной пустоши: Только бизнес, ваша светлость!

Глава 1. Инвентаризация катастрофы

Сначала вернулась вонь.

Тяжелая, въедливая сырость подвала, старые мышиные метки и кислый дух залежалого тряпья. Справа мерно бухала капля. Шлеп. Пауза. Снова шлеп. Звук протекающей крыши я узнала бы из тысячи: в позапрошлом ноябре точно так же залило мою третью кофейню на Арбате из-за треснувшей трубы у соседки сверху.

Я попыталась повернуться на бок, но ребра отозвались тупой ноющей болью. Матрас под спиной не пружинил. Он сухо захрустел колючей трухой. Самая настоящая, слежавшаяся в жесткие бугры солома, которая колола тело даже через плотную холщовую ткань рубахи.

Я открыла глаза.

Серый потолок из грубых каменных плит нависал так низко, что комната казалась каменным мешком. Из узкой бойницы под самым сводом пробивался мутный дневной свет. Вместо стекла там был натянут желтоватый промасленный пузырь, который вздувался от сквозняка с противным шелестом сухого пакета.

- Так. Спокойно, - выдохнула я вслух.

Звук вышел совершенно чужим. Высокий, тонкий девичий голос с легкой хрипотцой, будто связки долго драли криком. Мой привычный голос, прокуренный крепким эспрессо и поставленный на бесконечных планерках, остался где-то в прошлой жизни вместе с налоговыми сверками, кредитной линией и непотушенным экраном ноутбука.

Я поднесла руки к лицу. Пальцы тонкие, костяшки сбиты, а кожа сухая и обветренная до цыпок. Ногти коротко острижены, без следа покрытия, с серой пылью под кутикулой.

Опустив босые ноги на пол, я зашипела: холод неотесанного камня прошил ступни мгновенно, до самой надкостницы. Шатаясь от слабости, я доковыляла до хромого стола у стены. Вместо зеркала на нем стояла мутная медная пластина в зеленых разводах патины. Отражение читалось с трудом, но главное разобрать удалось: лет двадцать от силы, ввалившиеся бледные щеки, острый нос и грязные светлые волосы, спутавшиеся в колтуны.

Чужая память накатила не яркой вспышкой, а мерзкой тошнотой под ложечкой.

Аделин. Баронесса по бумагам, нищенка по факту. Отец спустил за карточным столом в столице все до последнего медного крючка и пустил пулю в лоб. Кредиторы с имперскими приставами вышвырнули девчонку на улицу, оставив за ней лишь дальний майорат на границе. Кусок промороженной скалы у черта на куличках под названием форт Серая Скала, куда нормальные люди ездят только умирать или служить по приговору суда.

На углу стола валялся засаленный кошель. Я вытряхнула его на ладонь. Четыре медные бляшки с зазубренными неровными краями.

- Четыре, - сказала я отражению. - Шикарный стартовый капитал. Даже на пачку сигарет не хватит, если здесь вообще в курсе, что это такое.

Внизу тихо скрипнула половица.

Дверь спальни держалась на честном слове и одном кованом гвозде. Она приоткрылась шире, и в щель протиснулся круглый лоснящийся бок цвета пыльной корицы. Следом пока-

залась плоская морда с шевелящимися усами, черные бусины глаз и голый кожистый хвост, который тяжело волочился следом. Существо напоминало помесь перекормленной морской свинки и матерого степного барсука.

Зверь втянул носом воздух, заприметил на щербатой тарелке черствую краюху серого хлеба и по-хозяйски заковылял к столу, покачивая увесистым задом.

- А ну брысь, - сказала я хрипло и накрыла хлеб ладонью.

Тварь замерла на четырех коротких лапах, вскинула морду и утробно булькнула. В круглых глазах не было ни капли страха, одна лишь сытая наглость привычного нахлебника.

Я с усилием отломила треть каменной корки. Сухие крошки брызнули на стол. Бросила кусок прямо зверю под нос. Он даже обнюхивать его не стал: желтые зубы щелкнули, хлеб исчез за секунду. После этого круглая туша шумно вздохнула и плюхнулась прямо мне на ступни. Зверь весил добрых пять килограммов, но от его густого меха шло такое тепло, что окоченевшие пальцы ног начали быстро оттаивать.

- Ладно, толстый. Будешь Бубликом, раз уж работаешь грелкой.

Я накинула на плечи лежавший на кровати потертый плащ и вышла на лестницу. Ступени из потрескавшегося дерева вели вниз, в стылый полумрак главного зала. Бублик нехотя поднялся и потащился следом, громко цокая когтями по камню.

Внизу, у огромного потухшего очага, копошился старик в холщовом заплатанном фартуке. Его худые плечи мелко вздрагивали от холода.

- Ваша светлость? - он выронил веник из сухих веток, стоило мне сойти с последней ступени. - Вы... поднялись? Хвала небесам, а я уж думал, горячка заберет, как покойную матушку вашу.

- Гордон, хватит причитать, - перебила я, опираясь о перила. Голова все еще противно кружилась. - Жива я. Показывай кухню и запасы. Что у нас вообще есть?

Старик растерянно моргнул, но привычка повиноваться господам пересилила ступор. Он молча засеменил вглубь коридора.

Кухня встретила нас могильной сыростью. Огромный стол из потемневшего дуба, пустые ржавые крюки под балками, где когда-то сушили мясо, и широкая каменная пасть очага. Старик открыл деревянный ларь и выставил на стол все богатство постоялого двора:

* Горсть серой овсяной крупы на дне горшка.

* Четверть мешка грубой ржаной муки с отрубями.

* Четыре подвявшие репы и две сморщенные луковицы.

* Кусок заветренного свиного сала под толстым слоем крупной соли, пожелтевший от времени.

- Это все, миледи, - Гордон виновато уставился в пол. - Купеческий обоз пойдет через перевал только через четыре дня, если буран дорогу не засыплет. А покупать нам не на что.

- Дойдет обоз или застрянет, а обедать надо сегодня, - оборвала я.

Я подошла к плите. Черная каменная громадина занимала четверть стены. По чугунному ободу вилась глубокая резьба: угловатые закорючки, забитые многолетней жирной гарью. Руны. Я машинально потерла пальцем одну из насечек, сдирая слой копоти.

Под ключицей внезапно кольнуло.

Ощущение было странным, похожим на глоток горячего чая после долгой прогулки на морозе. Тепло плавно потекло по руке прямо к кончикам пальцев. Камень отозвался глухим гулом, по желобкам рун пробежала мутная зеленоватая искра, и плита ожила. Из дымохода с сухим треском выбило пробку застоявшегося холодного воздуха, а по чугуну пошло первое живое тепло.

Гордон отшатнулся к стене и прижал руки к груди.

- С-светлые боги... Ваша светлость, вы же на проверке в Палате магии... вам же сказали, что искра пустая!

- В вашей Палате сидят слепые бюрократы, - бросила я, разглядывая ладони. Пальцы слегка покалывало, но плита уже грела вовсю. - Гордон, хватит креститься. Наливай воду в котел. Репу чисти и режь тонкими ломтями, лук туда же. Сало срежь пожелтевшее, брось на сковороду для зажарки. Муку замешай с водой и щепоткой соли, наделаем клецек для густоты. Живее, само себя оно не сварит.

Через двадцать минут пустая холодная кухня наполнилась запахом настоящей человеческой еды. Лук весело шипел на сковороде, в котле булькал густой навар из трав и кореньев, а Бублик сидел под столом, не сводя с крышки влажного блестящего взгляда.

И в этот момент в наружные ворота грохнули так, что с балки над моей головой сорвался сухой ком паутины.

- Именем Пограничной стражи форта! Отворяй, хозяйка! - голос снаружи прокатился по залу, усиленный то ли эхом скал, то ли армейской магией.

Гордон побледнел, выронил деревянную ложку прямо в бульон и мелко затрясся.

- Это полковник Вейн... Волк перевала... Миледи, они же нас вышвырнут на снег, у покойного батюшки недоимки за три года висят!

- Закрой котел, - ровно сказала я.

Внутри все натянулось знакомой пружиной. В Москве перед внеплановым визитом налоговой инспекции меня трясло точно так же, но на панику времени не было.

Я вышла в главный зал, перешагнула через сломанную скамью и подошла к дубовым створкам. Железный засов весил пуда два, не меньше. Закусив губу, я с силой рванула брус на себя. Плечо прострелило болью, металл протяжно взвизгнул, и тяжелая дверь подалась наружу.

В проем ударил ледяной порыв ветра с колючей снежной крупой.

Их было трое. Двое бойцов по бокам держали под уздцы мохнатых тяжелых коней. Посередине стоял человек, который перекрыл собой весь вход.

Тяжелый волчий полушубок нараспашку, под ним тусклая стальная кираса с глубокими боевыми зазубринами. Лицо жесткое, словно вырубленное тупым топором из гранита: перебитая переносица, темная щетина, широкая седая прядь в черных коротких волосах. Глаза тяжелые, воспаленные от долгой дороги и ледяного ветра.

Он явно рассчитывал увидеть кого угодно, но только не девчонку в грубом холщовом платье, с пятном сажи на щеке и деревянной поварешкой, засунутой за поясной шнурок.

- Баронесса де Гранваль?

Голос у полковника оказался низким, с глухим скрежетом, будто перекатывались речные камни.

- Допустим, - я уперлась рукой в холодный дверной косяк, чтобы не выдать дрожь в коленях. - А вы, полагаю, полковник Вейн. Ломать чужие ворота у вас на границе считается вежливым приветствием?

Один из всадников за его спиной громко кашлянул в кулак, пряча ухмылку. Полковник даже бровью не повел.

- Пограничный устав, раздел шестой, - сухо, словно читал строевой рапорт, произнес он и шагнул вперед. От него пахло мокрой шерстью, железом и гарью. - Постой по праву тревоги. На перевале начинается буран. Мне нужны стойла для семи лошадей и горячий рацион людям. Немедленно.

- Чудесно, - ответила я, не сдвинувшись с места и заставив его остановиться в полушаге. - Тот же устав, пункт четыре: офицер гарнизона обязан выдать хозяину постоялого двора именную расписку с гербовой печатью для учета довольствия в счет налогового вычета. Расписку на стол, полковник. Или боевая стража перешла на банальный грабеж?

Вейн медленно опустил взгляд. В воздухе повисла тяжелая тишина, сквозь которую слышался только свист метели в щелях. Желваки на его челюсти заметно напряглись. Мужчина явно боролся с желанием просто отстранить меня в сторону, как пустую бочку.

И тут снизу послышался смачный мокрый чих.

Бублик неторопливо вылез из-под моего подола, брезгливо встряхнул передней лапой и шумно потянул носом подкованный сапог командира. После чего поднял круглую морду и сипло зашипел, выпуская пар из ноздрей.

Полковник опустил глаза на зверя. Затем снова перевел тяжелый взгляд на меня.

- Это еще что за падаль?

- Старший ревизор, - не моргнув, сказала я. - И он тоже требует соблюдения отчетности.

В этот момент из коридора кухни протянуло теплым, густым запахом: дух подрумяненного лука, свежих клецек и наваристого бульона с травами. В тишине холла предательски и громко взвыл пустой желудок одного из пограничников.

Дариан скрипнул зубами. Он молча сунул руку под полушубок, достал тяжелую медную бляху с клеймом гарнизона и с глухим стуком впечатал ее в край подоконника.

- Двадцать минут, баронесса. Если вместо еды окажутся помои, ночевать пойдете в метель на сеновал. Время пошло.